E 74/271

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА.

Рѣчь, сказанная предъ панихидой 20 октября 1896 года въ церкви Елисаветпольской классической гимназіи въ присутствіи всѣхъ учащихъ и учащихся законоучителемъ, священникомъ *Іоанномъ Восторговымъ.*

ТИФЛИСЪ.
1897.

ПАМЯТИ

ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА.

Рѣчь, сказанная предъ панихидой 20 октября 1896 года въ церкви Елисаветпольской классической гимназіи въ присутствіи всѣхъ учащихъ и учащихся законоучителемъ, священникомъ ***Іоанномъ Восторговымъ.***

ТИФЛИСЪ.
Типографія канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ,
Лорисъ-Меликовская ул., домъ казенный.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа.

2007111488

Когда два года назадъ по волѣ Божіей въ мирѣ почилъ отъ царственныхъ трудовъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ III, нынѣ поминаемый,—Его Первенецъ Сынъ, принимая царскую власть, такъ говорилъ о смерти отца въ своемъ первомъ манифестѣ къ подданнымъ: „Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчьность... И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго въ себѣ непоколебимую правду и миръ“...

Въ эти протекшіе два года мы могли убѣдиться, какъ до конца исполнилась увѣренность нашего молодого Государя. Міръ явился свидѣтелемъ невиданнаго зрѣлища: умеръ Государь обширнаго царства, Имъ возвеличеннаго и благоустроеннаго, но такого царства, къ которому многіе питали и питаютъ чувство зависти,—а между тѣмъ не было на землѣ образованнаго народа, который не выразилъ бы искренней и трогательной скорби о почившемъ. О Немъ и доселѣ говорятъ и пишутъ, обращаются къ Его жизни и дѣятельности, разсматриваютъ черты Его нравственнаго образа,—и все больше и больше проникаются къ Нему чувствами благоговѣйной почтитель-

ности и справедливаго удивленія. „Какъ въ картинѣ великаго художника, чѣмъ болѣе всматриваешься въ нее, тѣмъ болѣе открываешь въ ней новыя стороны красоты и чарующей прелести: такъ въ дивно-прекрасномъ образѣ нашего незабвеннаго Государя много лѣтъ и много умовъ и сердецъ будутъ открывать все новыя и новыя поученія". Вотъ почему и мы говорили о Немъ здѣсь съ вами вчера *), говорили не разъ съ этого священнаго мѣста и прежде во дни поминовенія покойнаго Государя: и все же Его образъ стоитъ предъ нами въ неувядаемой прелести и открываетъ по прежнему неизсякаемый источникъ назиданія.

Въ чемъ же, братіе и дѣти, въ чемъ разгадка этой всеобщей любви и почтенія къ покойному Царю. Указываютъ на Его государственныя заслуги: на возвеличеніе внѣшней силы Россіи и при томъ безъ войны и кровопролитія, путемъ мудрой, но прямодушной и правдивой политики; указываютъ на необыкновенный ростъ внутренняго благоустройства Россіи послѣ страшныхъ событій цареубійства, когда царство наше стояло, какъ будто бы, на краю гибели и наканунѣ разложенія. Все это такъ; и эти незабвенныя для Россіи заслуги покойнаго Царя блестяще обнаружились и подтвердились въ эти два года нашей славы, нашей силы, нашихъ успѣховъ на востокѣ и западѣ, въ эти два года, когда Русь широко пользовалась плодами трудовъ и мудрой дальновидности усопшаго Царя. Но если бы въ этомъ одномъ заключалась причина необыкновенной славы Александра III, то намъ непонятны были бы чувства все-

*) 19 октября на обычной въ гимназіи еженедѣльной (по субботамъ) религіозно-нравственной бесѣдѣ ученикамъ разсказано было о жизни, дѣятельности и кончинѣ Государя Императора Александра III.

общаго и благоговѣйнаго почтенія къ Нему даже со стороны враговъ Россіи. Почившій Государь былъ великъ въ другомъ отношеніи: онъ представляется всѣмъ, какъ человѣкъ рѣдкой нравственной чистоты, Царь-Праведникъ, что въ нашъ вѣкъ, такъ неудержимо преданный себялюбію и чувственности, да къ тому же на высотѣ престола, является для многихъ какимъ-то чудомъ. И это чудо совершилось у насъ на Руси.

Но здѣсь-то, при частнѣйшемъ разсмотрѣніи нравственнаго образа почившаго Царя, каждый въ мѣру воспреемлемости и личныхъ наклонностей находитъ и отмѣчаетъ въ немъ различныя и разнородныя стороны: указываютъ на Его прямоту, и указываютъ на Его мягкость; указываютъ на Его бережливость— и щедрость; на Его миролюбіе и готовность самоотверженно защищать отечество; на Его любовь и строгую справедливость; на доброту и твердость воли; на Его снисходительность и строгое требованіе отъ каждаго исполненія долга; на Его добродушіе и серіозность и т. д. Очевидно, была какая-то основная нравственная почва, на которой твердо стоялъ покойный Государь, и эта почва сообщила Ему удивительное чувство мѣры и уравновѣшенность духа, вслѣдствіе чего Онъ, находясь по своему званію въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ къ Себѣ и ближнимъ, ни въ чемъ не переходилъ границъ въ дурную сторону и выросъ предъ лицомъ міра въ высоко-нравственный и удивительно-цѣльный образъ Царя-Праведника.

Намъ отрадно въ настоящія минуты предъ молитвою о почившемъ Царѣ, намъ отрадно указать, что этою основною всѣхъ дѣяній и нравственной вы-

соты почившаго была Его глубокая религіозность, что не осталось непримѣтнымъ и для взора иностранцевъ, изъ которыхъ одинъ, близко знавшій Государя, такъ говорилъ о немъ: „религіозность—это основной фондъ души Императора“ *). Да, Онъ былъ христіанинъ, и истинный, искренній христіанинъ, и въ этомъ одномъ словѣ разгадка величаваго и обаятельнаго образа незабвеннаго нашего Царя-Миротворца, Царя-Праведника.

Какъ христіанинъ, въ чувствѣ вѣры и преданности Промыслу, не палъ Онъ духомъ въ годину цареубійства, посреди всеобщаго шатанія умовъ, смятенія сердецъ, посреди ужаса народнаго; какъ христіанинъ, вѣрилъ Онъ въ Свое призваніе Царя-Самодержца, вѣрилъ въ Россію, въ ея силы и назначеніе, въ Свое Богомъ врученное Ему дѣло; какъ христіанинъ, покорно взялъ Онъ на Себя бремя царственнаго долга, и понесъ его безропотно и твердо до могилы, и трудился до изнеможенія, отказывая Себѣ въ необходимомъ отдыхѣ и днемъ и ночью. Здѣсь же, въ Его христіанскихъ чувствахъ, объясненіе того, что Его прямота, правдивость и искренность не переходили въ рѣзкость, грубость и жестокость; Его бережливость не была скупостью, что доказалъ Онъ щедрыми пособіями народу во время голода и холеры; Его миролюбіе не было постыдною трусливою уступчивостью; кротость и смиреніе Его не переходили въ боязливую приниженность; въ любви Его не было слащавости, безразличной къ добру и злу, и въ снисходительности не было попустительства на зло; съ другой стороны, твердость и настойчивость Его

*) Отдѣлъ въ книгѣ: „Правда о Россіи“. Выдержки въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1894 г., № 305.

не были неразумнымъ и себялюбивымъ упорствомъ, строгость не была жестокостью, требовательность не была проявленіемъ личнаго каприза, въ патріотизмѣ Его не было фанатической ненависти къ другимъ народамъ, и въ самой религіозности не было ханжества, —и такъ во всѣмъ. И болѣзнь Свою, и смерть пріялъ Онъ, какъ христіанинъ: съ умиленіемъ и слезами читали мы, что Онъ, уже сломленный тяжелымъ недугомъ, прикованный къ одру болѣзни среди мучительныхъ безсонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней, не оставлялъ царственныхъ трудовъ,—и Россія, одна Россія составляла предметъ его предсмертныхъ заботъ и мыслей; послѣ трудовъ Онъ молился, послѣ молитвы снова трудился, и никто не слышалъ отъ Него ни жалобы, ни ропота. Какъ удивительна, какъ величава, прекрасна и торжественна его кончина!

Пришелъ послѣдній день жизни, изможденное трудомъ и болѣзнью тѣло уже оказалось не способно къ труду, не способно быть орудіемъ свѣтлаго духа... „Сегодня умру“, говоритъ Государь Своей супругѣ: „будь покойна, Я же совершенно спокоенъ“. Еще нѣсколько часовъ,—и дѣйствительно, жизнь погасла въ тѣлѣ, и вѣрующая душа среди молитвъ въ надеждѣ жизни вѣчной почила въ Богѣ. Такъ умираютъ только люди, крѣпкіе своею чистою совѣстью и горячею вѣрой въ Бога и въ безсмертіе души. Такъ умираютъ только христіане. Не потому ли и любовь къ почившему Царю, и при жизни Его и по смерти, всѣ выражали не иначе, какъ молитвою: молились въ Россіи и внѣ ея, молились христіане безъ различія исповѣданій, молились евреи, мусульмане... Всѣ чувствовали, что иной образъ чествованія Царя какъ-то не соотвѣтствуетъ его нравственнымъ свойствамъ.

О достойномъ христіанинѣ, о преданномъ сынѣ церкви отрадно молиться тому, кто самъ имѣетъ трогательное упованіе на жизнь безконечную, трогательную вѣру въ общеніе живыхъ и умершихъ. Къ такой молитвѣ призываемся сейчасъ мы съ вами, братіе и дѣти.

Вѣримъ, что Ты, нашъ многолюбимый Царь, живешь съ нами духомъ; вѣримъ, что сбудется надъ Тобою все обѣщанное христіанамъ: Ты былъ кротокъ, —а сказано: блаженны кроткіе; Ты милостивъ былъ, —а такимъ обѣщано, что они помилованы будутъ; общій голосъ всего свѣта нарекъ Тебя Миротворцемъ, —а сказано: блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими назовутся. Да будетъ же благословенъ Твой покой, боголюбивая душа! У престола призвавшаго Тебя Бога вмѣстѣ съ прежде почившими святыми властителями земли русской стань и Ты въ дерзновеніи молитвы за Русь, за насъ, за Твоего Царственнаго Сына!

Братіе и дѣти! Да будетъ въ сердцахъ нашихъ вѣчная память усопшему Царю и въ молитвахъ за Него и въ подражаніи Его высокимъ достоинствамъ человѣка-христіанина, оставившаго намъ примѣръ глубокой вѣры, благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни. Аминь.

2007111488